

A detailed illustration of a woman with a pale complexion and striking red eyes. She has long, flowing red hair and wears a dark, intricately detailed, scale-like or shell-like armor. Her head is adorned with large, curved, metallic horns. A small, glowing red spider is perched on her right shoulder. The background is a vibrant space scene featuring a large, glowing planet with blue and orange hues, and a starry field. A circular badge in the top right corner contains the text '16+'.

16+

ОЛЬГА ТИЦИНА

И боги горшки обжигают

Ольга Тишина

И боги горшки обжигают

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48857523

SelfPub; 2021

Аннотация

Создав Вселенную, Творец огляделся, и из Глаз Его брызнули Слезы Радости и Грусти. Эти Слезы рассеялись по Вселенной. Они – самая большая драгоценность в зримом и незримом мирах. Слезы Творца – есть часть Его. Эти слезы способны зажечь Звезду. Они побуждают к Жизни. Но они же, могут уничтожить, разрушить все Сущее и развеять в пыль. Соня выясняет, что в её жилах течёт кровь могущественных архонтов титанов, властвующих на Земле многие тысячелетия назад. Теперь она должна овладеть Силой, способной повелевать стихиями, чтобы найти величайшую драгоценность Вселенной – Слезу Творца.

Содержание

Часть 1 Наследство	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	48
Часть 2 Пробуждение титана	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ольга Тишина

И боги горшки обжигают

Часть 1 Наследство

Глава 1

– И смотри, сделай всё в точности, как я тебе сказала! – голос говорившей совершенно не соответствовал её внешности. Он был сильным, с нотками властности, без той хрипотцы или скрипучести, что обычны для очень пожилых людей. А старуха, что лежала сейчас на смертном одре, была не просто стара, а очень – очень стара.

Валентина Михайловна, сама давно разменявшая восьмой десяток, никогда не задумывалась о возрасте говорившей. Но мысли её неожиданно скользнули в далекую юность, и она с удивлением осознала, что тётка Варвара уже тогда была, что называется «в возрасте», и для себя подумала: «сколько же тебе годков-то тётушка ты моя?».

Она знала, что в далекие 20-е годы прошлого века, тетка то ли прибавила, то ли убавила свой возраст. В те времена неразберихи и всеобщего хаоса сделать это было вполне возможно.

– А сколько есть – все мои, – слова пронзили Валентину

Михайловну словно током. Вытаращив глаза, она с ужасом уставилась на старуху.

– Да, хватит уж, пялиться. Смотри-ка, гляделки выпучила. Ты же вслух спросила, – рявкнула тетка.

Валентина Михайловна с облегчением выдохнула. «Неужели, и вправду, вслух сказала? Совсем что-то с головой плохо становится» – подумала она.

Но то, что тётка её была человеком не простым, могла подтвердить вся их деревня. Некоторые бабы, за глаза, называли ее ведьмой. Ведьма не ведьма, а кое-чего тётка Варвара умела: боль снять, роды принять, травы всякие знала, опять же. В деревне её уважали, обращались исключительно по имени-отчеству. Стоя у кровати старухи, сама давно уже не молодая, имевшая трех внуков и пятерых правнуков, Валентина Михайловна внимала последней воле умирающей.

Не сказать, чтобы та сильно жаловалась на своё здоровье или болела. Выглядела тётка хоть и древней, но вполне ещё справлялась со своим нехитрым хозяйством. Вчера же, перед закатом, придя в дом Валентины, просила зайти ту завтра, часам к трем пополудни. И вот, придя в назначенный час, она застала старуху лежащей в постели во всем чистом, исподнем.

На вопрос что это значит, тётка объявила, что собралась сегодня помереть и на все уговоры отмахивалась рукой, а когда ей надоели причитания, просто рыкнула своим поставленным, зычным голосом на свою младшую родственницу,

заставив последнюю замолчать на полуслове. Закончив же наставления, тетка взяла с Валентины слово, выполнить ее последнюю волю. Дав обещание, та ушла домой, оставив старуху одну. На следующий день, Варвару Прокопьевну Аннушкину нашли мертвой в своей постели без признаков насильственной смерти. И было ей на тот момент, по паспорту, ни много, ни мало – сто десять лет.

Автобус нещадно трясло и подбрасывало на ухабах. Дорогу от райцентра до деревни ремонтировали последний раз, видимо, ещё в прошлом веке. Зато пейзаж за окном радовал. Мимо проносились то березово-осиновые рощи, то пшенично-ячменные поля. Лето было в полном разгаре.

Автобус затормозил у остановки. До деревни оставалось еще около километра, которые нужно было пройти пешком.

Звук ПАЗика затих вдаль, и наступила удивительная тишина. Нет, это не была тишина в полной мере. Звуки были: шелест листьев и трав, пение птиц, жужжание сумасшедше пролетающих мимо жуков, стрекот кузнечиков. Это была тишина для натруженных ушей заядлого горожанина, редко бывающего вдаль от города и не привыкшего к звукам природы. Эта «тишина» объяла молодую особу, только что вышедшую из автобуса. Голова её на секунду закружилась от чистого воздуха и запахов цветущих трав, приносимых тёплым ветерком с лугов. Она ещё раз вздохнула полной грудью этот вкусный, сладкий воздух, поправила рюкзачок на плече

и зашагала к деревне.

Дом подсказала продавщица магазина, по-видимому, единственного в деревне. Статная накрумянная блондинка в синем переднике немного шепелявила. В этом был виноват отсутствующий передний зуб.

– Сресий (третий) дом справа, не перепутаесе. Там, у ворот берёска примесная (берёзка приметная). А вы как, по делу, иль в гossi (гости)? Россвенниса (родственница) какая?

– Да. Родственница. Дальняя. Спасибо! – девушка, шурясь, вышла из уютной утробы магазина на яркий солнечный свет и направилась в сторону нужного ей дома.

После жаркого полудня, оказаться в прохладе комнаты казалось совершенным блаженством. Валентина Михайловна – маленькая, шупленькая старушка – хлопотала у стола, накрывая к обеду.

– А я тебя ждала, ждала, да все жданки и кончились! – говорила она, накладывая в глубокую, фаянсовую тарелку холодную окрошку с квасом. – Почитай, два месяца прошло, как тётка Варвара-то померла, – она утерла платком в уголке глаза набежавшую слезу и, повернувшись в красный угол, скромно перекрестилась. – Царствие ей небесное, Варваре нашей!

– Никак не получалось у меня раньше приехать, тётъ Валь! – пожаловалась гостя. – Вот отпуск получила и сразу сюда. Мне работу терять никак нельзя. Я одна и положиться мне не на кого. Сама о себе забочусь. Вы лучше расскажите

мне про бабушку. Я ведь ничего ни о ней, ни о своих родителях не знаю. В детдоме мне не говорили о них, а выяснилось – вот как!

– Да, не бабка она тебе, – махнула рукой старушка.

– Как это? Вы же сами писали мне, – девушка растерялась. – И..., про дарственную писали, на дом!

– Не бабка, а прабабка, – успокоила ее Валентина Михайловна. – А на счет дарственной, так ты не волнуйся, есть она. Сейчас покажу!

Старушка выдвинула верхний ящик старинного комода и достала оттуда картонную коробку из-под обуви. Открыв её, она аккуратно вынула бумагу и протянула ее Соне. В документе действительно указывалось, что Варвара Прокопьевна Аннушкина 1908 года рождения, дарит ей, своей правнучке Софии, дом в деревне Николаево Александровского района N-ской области. Заверено нотариусом Петровым Г.В.

– Тёть Валь, а у вас фотографии прабабушки или моих мамы с папой есть? – поинтересовалась наследница. – Вы ведь знали их всех? Расскажите.

– Есть какие-то фотокарточки, сейчас, достану, принесу, – кивнула головой старушка и ушла в смежную комнату, откуда слышался скрип открываемой дверцы. Гостя же тем временем трепетала от происходящего с нею.

Когда Соня получила письмо от Валентины Михайловны, это был словно гром среди ясного неба. Конечно, в детстве она, как и все детдомовские дети, думала о матери и отце,

сочиняла истории о них и мечтала о любви и родительской ласке. Но шли годы. И вот, прозвенел последний звонок, потом, учеба в техникуме, работа, заочно институт. Началась взрослая, самостоятельная жизнь.

Соня давно уже перестала надеяться узнать хоть что-то, о своем прошлом. И вот она держит в руках документ, который свидетельствует, что близкие люди были. И они знали о ней, о её существовании! К горлу подкатила горечь обиды.

Шаркая ногами, в комнату вошла старушка и водрузила на стол увесистый альбом зеленого бархата. Сразу, на первой странице, располагались две пожелтевшие фотографии. Валентина Михайловна ткнула крючковатым пальцем в лицо на первой из них:

– Вот она, Варвара Прокопьевна, твоя родственница и прабабка. Соня вгляделась. Из глубин прошлого на неё смотрела миловидная, темноволосая женщина. Фотограф запечатлел её сидящей на стуле. Скромно сложив на коленях, обтянутых темной юбкой, натруженные руки, она улыбалась милой, застенчивой улыбкой. Рядом, по-хозяйски положив на её плечо руку, стоял коренастый мужик с усами как у Чапая, в папаше, заломленной на затылок, гимнастерке, галифе и сапогах.

– А вот это, супруг её, а мне, значит, дядька родной по матери – Афанасий Андреевич, – дальше прокомментировала Валентина Михайловна. Соня взяла фотографию в руки. На обороте, наискосок, женским почерком, уже выцветшими

чернилами было написано: «Любезной сестрице моей Анне Андреевне от любящего брата. 1936 год».

– Тётку Варвару, прабабку твою, дядюшка мой Афанасий привёз из райцентра, после гражданской войны, – продолжила рассказывать родственница. – Там она учительницей в школе работала. Я, сама-то, в сорок втором родилась, и всё это ещё не при мне было. А рассказываю со слов матери моей, Анны Андреевны, – старушка перевернула страницу альбома и показала еще одну фотографию.

– Так вот, привез он её, значит, как супругу свою законную, нате мол, знакомьтесь и принимайте. Жили они не плохо, но детей не нажили. А в тридцать седьмом, в деревню наведалься бывший управляющий, что хозяйствовал тут еще при старых владельцах – помещиках. Усадьба их, с тех времён ещё, в райцентре стоит. И признал он в Варваре дочку своего бывшего хозяина. Говорят, кликнул её, да только другим именем, не Варвара Прокопьевна, а вроде как – Катерина Матвеевна. А та возьми, да отзовись. Потом говорит, мол, вы ошиблись. А он вроде, как, головой покачал, да и уехал. А дня через два приехали за ней, арестовать значит, как врага трудового народа. Да только не вышло у них. Убежала Варвара в Хитрую рощу. Это так мы лесок называем, километра два за деревней. Про рощу эту всегда рассказы странные ходили. Ходу туда никому из местных не было потому, как случались в этом лесу с людьми разные, непонятные и необъяснимые вещи! – она вдруг понизила голос до шепота:

– Были случаи, когда уходили в этот лес грибники или кто по дрова, а возвращались только через месяц. Их уже и «похоронить» успеют. А они живы – здоровы и говорят, что только несколько часов в лесу-то были. А другие вообще, возвращались полоумными. Да с седыми ключьями на голове. И добиться от них ничегошеньки-то было нельзя. Мычали только. Так что из наших, деревенских, никто туда носа по доброй воле не совал. Ни-ни, – Валентина Михайловна покачала указательным пальцем, словно погрозила кому-то.

– Но видимо у Варвары иного выхода не было. Семь бед, один ответ! Решила – уж лучше в лес, чем арест. А те, что за ней пришли, ни бога, ни черта не боялись. Что им лес? Лес как лес. Думали баба далеко не убежит. Бывший управ тоже с ними пошел, видимо для опознания личности. Только ушло их четверо, а вернулось дня через три – двое. Начальник ихний, комиссар, да Варвара. Уходил комиссар – был чернявый, вернулся седой и с ранением. Сел в телегу и... поминай, как звали! А Варвара потом рассказывала, будто бандиты на них в лесу напали и подстрелили всех, а комиссара она раненого нашла и из леса вывела. И так с тех пор получилось, что могла она спокойно в лесок тот ходить и возвращаться живой, да здоровой. И все, кто с ней ходил, тоже не терялись, – старушка устало замолчала, переводя дух.

– Еще был случай, – махнула она рукой. – Это я уже помню. Решили лесок этот под делянку отдать. Попригоняли тракторов, люди понаехали! Забурились они в лес, да и сги-

нули вместе с машинами! Милиция с собаками весь лес прочесала, нет и все! Что было! Да тут кто-то вспомнил про Варвару. Позвали её, значит. Она в лес зашла и через полчаса вывела всех делянщиков. Сколько разговоров потом было. Не шутки ведь, целая бригада рабочих пропала! Варвару потом милиция пытала, мол, где нашла, как нашла. А она им: зашла – говорит в лесок и нашла! Бились – бились с ней, да и оставили в покое. Всё-таки уж в приличном возрасте прабабка твоя тогда была, – добавила Валентина Михайловна к своим словам.

– А, кроме прочего, – понизила она голос, будто боясь, что кто-то мог их подслушать. – Дар у Варвары был. Могла лечить травками всякими, наговорами. Многим в деревне нашей помогала. Уважали её. Муж её, Афанасий Андреевич, на войне с фашистами, будь она неладна, погиб. Тётка замуж ещё два раза выходила. Но те мужья её к рюмке тягу имели и померли от этого дела рано, – рука пожилой женщины шлепнула о столешницу, подводя итог своим словам. Но она тут же продолжила свой рассказ:

– Бабку твою, Анастасию, родила Варвара не знамо от кого. Так эту тайну никому и не открыла. Но точно скажу – не от наших деревенских. Было ей в ту пору, почитай уж, сорок пять годочков. – Соня удивилась:

– Да, в сорок пять родить не каждая решится.

Валентина Михайловна согласно кивнула.

– Настя, сестра моя двоюродная, непутевая выросла, – де-

лилась она дальше воспоминаниями. – Пить, гулять, с мужиками таскаться рано начала. Нагуляла она твою мать в семнадцать лет и бросила на воспитание Варваре. А сама укатила куда-то на Север, там и сгинула. Ни слуха, ни духа. Мамка твоя, упокоится душа её грешная, росла послушной и тихой. Училась хорошо, во всем Варваре помощницей была. Да, беда с ней приключилась. Снасилъничали её. В подробностях я мало знаю, потому как молчали обе, как рыбы. А живот-то как начал расти, так все и узнали. Чего там, шила в мешке не утаишь. Ой, ходила она тобой, а сама прямо таяла на глазах. Как время пришло, уехала в райцентр рожать. Варвара, как чуяла неладное, все отговаривала, мол, я сама роды приму. Но внучка рогом уперлась. Поеду, говорит, к врачам, как положено. А потом узнали, что на дочку, на тебя-то, она отказную написала. А сама с крыши прыгнула, да и насмерть. Видать, с головой у неё что-то случилось, раз жизни себя так лишила. Вот такое горе на плечи Варваре выпало. Тебя она через время нашла в малюткином доме. Да, только никто тебя ей не отдал. Восемьдесят пять годков Варваре тогда уж было. Ну а потом вроде, как и удочерили тебя? Что, нет? – удивилась родственница.

– Нет, я в детдоме выросла, – Соня развела руками.

– Вон, как! А мы-то думали..., – Валентина Михайловна, уже в который раз покачала головой, тяжело вздохнула и продолжила:

– Дарственную на дом, Варвара мне, почитай, перед смер-

тью передала. И адресок твой тоже. Откуда он у неё был, одному богу известно. Ну а дальше ты и сама все знаешь. Написала я тебе письмо. Ждала приезда. Я ведь сразу тебя признала, как увидела. Больно ты похожа на Варвару лицом.

– У меня такой родинки над губой нет. И волосы светлее.

– Да, родинка её приметная была, – согласилась с ней Валентина Михайловна. – И волосы потемнее, чем у тебя, когда не поседели ещё. А вот глаза, точь-в-точь, как у неё, зеленые в крапину.

Соня действительно отмечала удивительное свое сходство с прабабушкой, а рассказ родственницы потряс ее до глубины души. Уже ночью, засыпая, она продолжала думать о произошедшем с нею, обо всех тех людях, которых не знала, но частью, которых, была. Она вспоминала лица с фотографий, пытаясь оживить их образы в своей фантазии. Сон, такой реальный, такой правдоподобный пришел неожиданно.

Она стоит посреди богато обставленной комнаты. Перед нею мужчина. Он большой и сильный. Голос его густой, басовитый. Она знает – это её отец. Он смотрит на неё. В глазах бесконечная любовь и нежность. Он говорит:

– Дитя. Ты должна знать. В плохое время возвращайся всегда в родовое гнездо. Испокон веков эта земля спасала наш род от напастей. Она даёт нам силу. Помни дитя! Помни всегда!

Но вот декорации меняются. Она кружится в свадебном танце. Сердце её наполнено счастьем. Она любит! Она ви-

дит лицо молодого мужчины. Это он! Душа захлёбывается от чувств!

Теперь она бежит. Происходит что-то страшное! Её мир разрушен! Никого не осталось. Страх и боль. Неужели это конец!?

Новая сцена. Она едет на повозке, набитой людьми. Эти люди чужие, другие. Она знает, что должна стать такой, как они, затеряться среди них. Иначе смерть.

И вот она у стены дома. Там тайник. Маленькая шкатулка с детскими «сокровищами».

Неожиданно ее окружает лес. Перед ней вырастает Стена. Ладонь ложится на поверхность камня. Глаза видят темный провал. Сначала страх, потом любопытство.

И снова лес. Теперь она бежит. За ней погоня. Она знает, нужно добежать до Стены, там спасение. Люди с оружием гонятся за ней. Люди с оружием сходят с ума. Они видят трехголового пса – стража. Но она знает, пес не опасен. Он призрак, фантом. Люди не знают. Они стреляют и попадают друг в друга. Они в ужасе. Остался жив только один. Он без оружия и ранен.

И вот она в комнате. В руках маленькая шкатулка. Здесь её память о той, другой жизни. Надо спрятать. Где? Закопченная печная заслонка. Всё!

Глава 2

Дом, доставшийся Соне в наследство, оказался небольшим, но довольно аккуратным. Три окошка на фасаде выкрашенные голубой, ещё сохранившей следы свежести краской, деревянные, выдавшие виды ступеньки крыльца, крепко сколоченная чуть скрипнувшая дверь, и девушка оказалась... в собственном сне! Те же стены, стол – покрытый цветастой льняной скатертью, кровать, с ворохом подушек, образ в углу, выбитые занавески, выбеленная русская печка.

– Ну вот, Сонюшка, принимай наследство, – Валентина Михайловна обвела хозяйство рукой, – теперь, это твоё.

Позади, вновь скрипнула дверь и в проёме показалась белобрысая мальчишеская голова.

– Баб Валь, тебя там пастух зовет, – сообщил пацан.

– Что ему?

– А я знаю? – он утер рукой нос. – Я только передал!

– Ты побудь пока тут, я сейчас, быстро, – сказала старушка и вышла.

Соня пулей подлетела к печке и сняла заслонку. Расцарапывая в кровь руки, она вынимала из печки дрова. Есть! В глубине что-то есть! Пальцы нащупали какой-то предмет, но девушка уже знала, что увидит. Это была та самая шкатулка из сна. Быстро сунув находку в рюкзак, Соня вновь сложила дрова в печь и закрыла заслонку. Сердце её колотилось как

бешенное. Нужно успокоиться, – приказала она себе. – Закрывать глаза и глубоко подышать.

Когда Валентина Михайловна вернулась, то застала Сою скромно сидящей на стуле.

– Ну что, пойдём или ещё побудешь?

– Пойдем тетя Валя. Что-то не по себе мне здесь.

– Пойдем милая, пойдем.

Улучив возможность остаться наедине, Соня открыла свою находку. В шкатулке находилось несколько предметов, среди них: черный замшевый мешочек с пятью царскими монетами по десять рублей; ожерелье из морских ракушек, носовой платочек с вышитыми инициалами *К.М.*, и фотография в тонкой, позолоченной рамке. Такие старинные фотографии, что находилась в шкатулке, Соня видела лишь однажды, в музее истории.

С фото на неё смотрели те же прабабкины глаза, что и из альбома Валентины Михайловны. Но какая разница в облике! Здесь, Варвара Прокопьевна выглядела не как крестьянка, а как аристократка. Прабабушка была одета в кружевную блузу с широким рукавом «реглан», застегнутую на жемчужные пуговички до горла и длинную, завышенной талии юбку с турнюром. На голове красовалась изящная шляпка с плюмажем. Дополняли ансамбль маленький зонтик и сумочка-кисет в нежных ручках. Рядом, приобняв женщину за талию, стоял молодой, статный офицер из Сониного сна. Внизу фотографии имелась надпись на немецком: «Fotostudio von

Elvira Munchen 1898».

«Странно, – подумала Соня, взглядываясь в фотографию, – прабабушка выглядит здесь лет на двадцать – двадцать пять. Но на фото из альбома, она выглядит совсем не старше!».

Мозг отказывался это понимать. По всем подсчетам выходило, что прабабка прожила не много, не мало, сто сорок пять – сто пятьдесят лет. Но такое невозможно! Или возможно? Тогда получается, что дочь свою, а Сонину бабушку, Варвара Прокопьевна родила в 80 лет! Ну, нет! Это просто нонсенс, чепуха!

«Здесь какая-то ошибка, – успокоила себя Соня. – А как же сон? Это как объяснить?».

Вопросы не заканчивались. Их просто становилось больше.

Проблем с продажей дома не возникло. Из вещей, что-то взяла Валентина Михайловна, что-то продали соседям, а что-то просто раздали в память о Варваре Прокопьевне.

Оформление бумаг на продажу дома заняло некоторое время. Для этого пришлось несколько раз съездить в районный центр.

Городок оказался небольшой, но оживленный, с довольно чистыми улицами. Любопытство привело Соню к тому дому из сна, где был тайник. Найти его оказалось несложно, это было единственное здание, сохранившееся в целости ещё с

царских времен. Фасад его, в стиле ампир, украшали колонны, пилястры и лепные карнизы. Здание было выкрашено в голубой цвет. Колонны и пилястры выбелены. Надпись на табличке гласила, что теперь здесь располагается Центр искусств.

В Сонином же сне, дом был желто – горчичного цвета с белыми колоннами, а с обратной стороны находился сад.

Удивительно, сад оказался жив и даже ухожен. Соня, оглядываясь по сторонам, прошмыгнула за угол дома и прошла вдоль стены. Но тайник из сна найти не представлялись возможным. Дом был капитально отремонтирован.

В последнюю ночь перед отъездом, она долго не могла уснуть. Тревожила мысль – «не сделано что-то важное!». Эта же мысль не давала девушке покоя и всё следующее утро. И когда она, попрощавшись с Валентиной Михайловной, зашла в автобус, её пронзила догадка, что же такого важного она не сделала.

«Лес! – думала Соня, до конца так и не понимая, что же руководит ею. – Мне нужно найти то место! Мне жизненно необходимо там быть!».

На момент прибытия в конечный пункт назначения, в автобусе оказалось на одну пассажирку меньше.

Соня шла по наитию, импульсивно. Кожей, кончиками пальцев она почувствовала, как что-то изменилось вокруг. Лес, еще недавно наполненный десятками звуков и казавшийся совсем не опасным, вдруг стал гуще, деревья – вы-

ше и толще. Появились заросли папоротников. И... тишина. Только ветер гуляет в кронах.

Стена возникла неожиданно и была именно такой, какой Соня видела её во сне: серый камень крупной кладки без единой трещины, выщерблины, тёплый и гладкий. Пять шагов. Поворот. Еще десять шагов. Поворот. В центре – арка. За нею ничего. Только чернильная тьма. Космос.

Соня обернулась. Недалеко белели кости человеческих скелетов. У одного меж рёбер торчит штык-нож. Жуткие картины из сна вновь обрели реальность. Прямо из арки, из черно-космического проёма возникла жуткая морда. Нет, не одна. Их три! Монстр появляется целиком. Он огромен, как слон! Из пастей, украшенных острыми, словно бритва зубами капает слюна. Он нюхает воздух, землю. Он поднимает жуткие морды и смотрит налитыми кровью глазами. Рык. Прыжок. Лёгкий толчок. Ощущение: свет – тьма – свет и Соня медленно открывает в страхе закрытые глаза.

Монстр исчез. Она оглянулась. Никаких изменений. Всё как прежде: стена с чёрным провалом, деревья, скелеты.

– Идентификация пройдена, – внезапно раздавшийся голос заставил ее подскочить и развернуться к стене.

– Начинаю отчёт проверки кодовых Ключей. Два – четыре – восемь – ноль. Ключ принят. Объект ноль два пять один занесён в базу данных. Добро пожаловать Объект 0251. Заменить имя? Допустимы звуковые и речевые функции. Матрица сознания снята. Язык понятен?

– Да, – от страха и неожиданности прохрипела Соня.

– Объект 0251. Заменить имя? – настаивал неизвестный.

– Что значит заменить имя? – не поняла девушка.

– Объекту присвоен идентификационный, стандартный номер. Допускается замена цифр буквенными символами.

– София, – поняла девушка, о чем говорит голос. – Мое имя София.

– Имя свободно. Принято. Место назначения?

– Что? – Соня схватилась за голову. – Послушайте, кто это говорит? Это что, шутки такие? Кто Вы?

– Система идентификации и перемещения объектов, – услышала она незамедлительный ответ. – Искусственный интеллект. Мои функции: идентификация объектов, проверка маркера, проверка соответствия допуска, проверка Ключей, хранение и дополнение базы данных, справка.

– Справка, – машинально переспросила Соня.

– Функция «Справка» включена. Ожидается ввод вопроса, – система приняла команду.

– Куда ведет этот проём? – девушка показала на зияющую черноту, манящую неизвестностью.

– Портал меж пространственных перемещений. Доступ открыт на...одну...тысячу...четыреста... сорок...две планеты, – сообщил голос, и это было на грани фантастики. Соня не верила собственным глазам и ушам. Такое точно не могли создать люди.

– Почему я все понимаю? – вопрос вырвался внезап-

но, вслед за мыслью и девушка смутилась от собственной несдержанности, и, как казалось ей от такого глупого, детского вопроса, будто перед ней была не машина, а живой человек, который мог посмеяться.

– Частично снята матрица сознания. Язык понятен, – получила она ответ. – Для общения с объектом учитывается уровень развития объекта, его интеллект и словарный запас. Понятия определяются в приемлемую и понятную для объекта форму.

– И кто последним пользовался порталом? – Соня вспомнила свой странный сон.

– Объект Гиперион – 2. Показать голограмму?

– Да, – она утвердительно кивнула.

Сейчас же, чуть выше полуметра от земли, возникло трехмерное изображение молодого мужчины. Изображение несколько раз повернулось в профиль и фас. Затем исчезло.

– А тот жуткий монстр. Куда он исчез? – девушка в страхе оглянулась по сторонам.

– Это Цербер. Вспомогательная программа, – раскрыл тайну трехглавого пса голос. – Идентифицирует код доступа объекта. Любой физический объект, приблизившийся к portalу, на пять метров, проходит проверку идентификации на доступ к Системе портала.

– А если проверка не пройдена. Тогда что? – спросила она.

– Портал находится в ноль – временной зоне. Любой объект, попавший в эту зону должен иметь маркер, иначе в до-

пуске будет отказано и объект будет игнорирован Системой.

– Что за маркер? – не поняла Соня.

– Генетический маркер, – пояснила система портала.

– У меня есть такой допуск? – с замиранием сердца спросила девушка.

– Да. Объект София имеет допуск к информационной Системе портала и Ключ для перемещения.

– Или я сплю. Или схожу с ума! – опять неожиданно для себя воскликнула Соня. Эмоции зашкаливали, и она не могла их сдержать.

– Объект София психически и физически соответствует нормам своей расы. Грубых нарушений и отклонений нет. Отмечается стойкий психосоматический иммунитет. Реакция адекватная, – искусственный интеллект понял все по своему.

Соня достала из рюкзака фото прабабушки Варвары и задала вопрос:

– Эта женщина проходила через портал?

– Объект 0250. Личное имя не присвоено. Имеет маркер. Имеет допуск к информационной Системе портала. Ключа нет, – сообщила машина.

– Ключ? У меня есть этот ключ? – почему-то Соня уже знала, каким будет ответ.

– Да. Объект София имеет полный доступ к Системе портала, – подтвердила машина ее догадку. – Включить функцию перемещения?

– Куда будет перемещение? – неожиданное предложение застало ее врасплох.

– Необходимы координаты точки приема, – сообщила система. – Активировать каталог координат?

– Да.

– Точка выхода 0001. Рукав Лебеда. Система двойной звезды. Четвертая планета. Общепринятое название – планета Рои. Площадь 145 500 000 единиц. Масса 6.024023 единиц. Средняя температура +12,9 градусов по Цельсию. Спутники отсутствуют. Последнее обновление данных – 3000 циклов назад. Точка выхода 0002...

Соня вдруг вспомнила, что говорилось о более тысячи планет, которые можно посетить через портал. Слушать весь список не имело смысла.

– Координаты планеты, которую посетили последней, – осмелев, отдала она приказ.

– Точка выхода 0573. Рукав Персея. Система – коричневый карлик. Вторая планета. Общепринятое название – планета Глэз. Площадь..., – голос монотонно выдавал информацию о далекой планете, затерянной, где-то в глубинах космоса, на самом краю Галактики. А перед мысленным взором девушки рождалась картина этого прекрасного и загадочного мира. Ей виделась тихая гладь залива. Вздвигающие скалы над морем поросшие удивительными неземными деревьями. Огромный, коричнево – желтый шар мерцал в небесах, погружая планету в вечное, предзакатное состояние.

– Планета пригодна для жизнедеятельности объекта, – завершила выдачу информации машина.

– Как я смогу вернуться назад, на Землю? – этот вопрос очень волновал девушку. Затеряться где-то в далеких мирах, пока не входило в ее планы.

– В точку выхода – входа 1405 объект может вернуться через портал Единой Системы на планете Глэз. Обратные координаты: точка выхода 1405, рукав Ориона. Система – желтый карлик. Третья планета. Общепринятое название планета Гея. Площадь 510072000 единиц, – дальше прозвучали все остальные параметры Земли.

– Включить перемещение? – система портала требовала указаний.

В Соне боролись страх и любопытство. Если сейчас она струсит, если уйдет, то никогда не узнает этой тайны. А внутри, что-то толкало вперед, нашептывало: «иди, иди, это твоя судьба» и девушка почти прошептала:

– Включай!

– Загрузка параметров, – голос вновь монотонно забубнил какие-то цифры, а с проёмом в стене стали происходить метаморфозы. Сначала он подернулся дымкой. Затем, по нему пошла радужная рябь. Арка засветилась голубым, люминесцентным светом и замерцала, по ней побежали сполохи. Из стены справа и слева выдвинулись камни.

– Активируйте запрос, – потребовала система.

Соня подошла к portalу. Камни, как арка, мерцали. На

них вспыхнули объёмные символы, похожие на руны. Она осторожно положила на них ладони и чуть нажала. Руны вдавились в камни. И... девушка застыла в восторге. Во всём своём величестве, мерцая мириадами звезд, перед ней предстала Галактика. Это было потрясающее, неопишваемое зрелище!

– Портал открыт, – услышала она, и шагнула навстречу звёздам.

Тело выкручивало и казалось, разрывается на части каждая его клетка. Это длилось миг и... целую вечность. Мозг не выдержал, отключился. Миллионы лет, и... мгновение спустя, сознание начало возвращаться.

Сначала она осознала свое тело. Потом появились звуки и запахи. Глаза открылись, и девушка обнаружила, что лежит на каменистой земле. Мелкий щебень впивался в ладони, приводя в чувство. Боль говорила о том, что это не сон.

Чуть приподнявшись, она огляделась. Да, это не Земля. Огромное, карминно – янтарное солнце стояло в зените. У стены, вырубленной в скале, немигающим оком, чернел проём – портал этой планеты. Соня поднялась во весь рост.

Под ее ногами ровная каменная площадка. Выше, поднимаются горы, поросшие красно – бурой, густой растительностью. Прямо, до самого горизонта, цвета охры и жидкого золота, сверкает море.

С площадки вела дорога. Она уходила вниз, огибая скалы,

приглашая в путь. Это был мир из далёких грёз фантастов, книги которых, Соня любила читать. И ноги её сейчас ступали по этой неизвестной и загадочной планете.

Становилось жарко, пришлось снять куртку. Дорога шла серпантинном. По- правую руку золотилось бескрайнее море, по левую, вздымались высокие скалы.

Соня шла по дороге, размышляя об этом удивительном мире, как ход её мыслей прервал посторонний далекий звук. Она завертела головой, но увидеть ничего не удавалось. Видимость была ограничена скалами. Девушка остановилась и прислушалась. Звук приближался, становился всё громче.

Летательный аппарат, появился внезапно. Он завис над пыльной, каменистой дорогой на уровне глаз, метрах в десяти от нее. За управлением необычного, обтекаемых, плавных форм аппарата, напоминавшего бронзового цвета скутер, находился человек. Это была статная, золотоволосая женщина. Ее тело скрывал чёрный, блестящий, отливающий в свете красно – желтой звезды комбинезон, подчеркивающий идеальные пропорции великолепной фигуры. Не говоря ни слова, прилетевшая незнакомка подняла и вытянула руку, затянутую в перчатку. В руке сверкнул серебристый предмет и через мгновение, в голове Сони взорвалось, и наступила тьма.

Глава 3

Из поколения в поколение люди задумываются о происхождении человеческого разума. На протяжении сотен лет ищущие умы ломают голову над этим, непростым вопросом. За века родилось немало теорий происхождения человека. Некоторые звучат довольно правдоподобно. Они логически понятны и приняты обществом. Другие, фантастически невероятны. Но и они имеют право на существование, будоража воображение тонких и впечатлительных натур. В сущности, не так уж и важно, как называть того, кто нас создал – бог, создатель, природа, другой разум. Мы, люди, должны быть ему благодарны за этот великий Дар. Дар жизни. Дар самого своего существования во Вселенной.

– Девчонка с Геи и мне не нужно сканировать её мозг, чтобы это понять! – рот говорившей скривился, будто произнесенные слова были ругательством. Она заломила руки и впилась взглядом в одного из присутствующих в комнате мужчин. Тот, в это время, изучал свои крупные, коротко обранные ногти, внешне показывая полную безучастность к происходящему. После некоторого молчания он все же спросил:

– Какие идеи её появления на Глэз?

– Может быть, Врата снова действуют? – прозвучала роб-

кая надежда от молодой женщины с эбонитовой кожей.

– Нет. Они закрыты!

– Она какая-то приманка или ловушка. Нас проверяют, испытывают! – а это предположение от златокудрого атлета, с лицом древнегреческого бога.

– Пэнде, ты параноик, – зашипела на юношу та, что пыталась сейчас руководить собранием присутствующих.

Удивительно, но она была точной копией того, на кого шипела. Золотые кудри, стройная фигура. И лицо, точно вылепленное с древнегреческих статуй.

Кто? Кто нас испытывает? – вопрошает она. – Мы гниём тут уже три тысячи лет, и самому Создателю нет до нас дела. До нашей жизни! – ее голос сорвался на визг, а глаза, цвета голубого льда, пылали гневом. Кулаки сжимались, крепкие ногти впивались в мягкую плоть. Сейчас, она напоминала разъяренную валькирию, прекрасную и опасную в гневе.

– Нужно успокоиться, – из кресла поднялся довольно крупный, богатырского телосложения мужчина с суровым лицом. Такое выражение ему придавали густые чёрные брови с изломом. Но крупные, чувственные губы смягчали картину. – Где девочка? Она пришла в себя? – задает он вопрос златокудрой.

– Нет.

– Конечно, после такого нейронного заряда и слон бы сутки в отключке валялся, – иронизирует женщина с эбонитовой кожей.

– Заткнись, Эфта, – шипит златокудрая Триа на ту, что посмела иронизировать. – Я одна думаю о нашей судьбе. Все остальные сложили лапки и ждут, когда звезда погаснет. Всё это время я пыталась хоть что-то выяснить. Понять, почему Врата закрыты для нас. Почему мы должны гнить на этой жалкой планете на краю Галактики. Вратами могут пользоваться все, кому не лень, только не мы. Даже это жалкое подобие человека, смогла их открыть. А ты Эфта, – она с ненавистью ткнула в сторону чернокожей женщины пальцем, – всегда имела слишком короткие мозги и неповоротливые ноги. Это ты упустила вора, прокрававшегося в наш арсенал. А он был нечета этой девчонке. В нем Сила была, наша Сила!

– Прекрати свои оскорбления и нападки Триа, – спокойно, но твердо произнес богатырь Дио. – И давайте оставим распри хотя бы сейчас.

– Что ты предлагаешь? – взоры обратились к богатырю.

– Не время ссориться, – подвел он итог их спору. – Произошло поистине важное событие. Я поручаю Дэку Япету выяснить все подробно. Тогда и соберем агору.

Пробуждение было резким. Соня открыла глаза. Она помнила всё: этот новый – чужой мир, женщину на летающем «скутере», оружие в её руках. И то, что это было оружие, не оставляло сомнений.

Глаза уперлись в потолок, потом переместились к окну. Там, всё так же пылало красно – желтое солнце, окрашивая

стены комнаты в коралловые и янтарные оттенки. Девушка пошевелилась. Кажется, всё целое, ничего не болит. Приподняв простыню, она поняла, что обнажена.

Кроме жесткой кушетки в комнате находилось какое-то оборудование и столы с приборами. Что-то мигало и попискивало. В целом, незнакомая обстановка напоминала лабораторию и ее охватила паника. От внезапно нахлынувших эмоций ее отвлекла открывшаяся с легким шорохом дверь. В комнате появились двое – мужчина и женщина.

Невооруженным глазом в этих двоих ощущалось чрезвычайно близкое родство. И если бы не разница в росте, можно было подумать, что они однойцовые близнецы. Женщина была хрупка и изящна, словно японская статуэтка «укиё нингё». Большие, чуть миндалевидные глаза глубокого синего цвета, чувственный рот, прямой «греческий» нос. Мужчина – ее точная копия. Но выше, шире в плечах. Медь их волос, подчеркнутая красными лучами солнца, сияла. Они были прекрасны!

Женщина выступила вперед и певуче произнесла на незнакомом языке:

– Кумах анжу нгараса?

Соня ничего, не поняла. «Близнецы» обменялись взглядами, и женщина сделала новую попытку наладить контакт:

– Кохав ли каз? – явно задала она вопрос и, через секунду добавила: – Инозва сеи?

Но девушка все так же не понимала и продолжала тара-

щиться на незнакомцев. Медноволосая незнакомка, в растерянности, посмотрела на спутника. Тот выступил вперед:

– По истэ апоигия? – мягкий баритон голоса, удивительно шедший ко всей его привлекательной внешности, обладал нотками расположения и доверия. Но видя все то же непонимание в глазах Сони, он нахмурился и сделал еще одну попытку:

– Како се чувствоваш?

«Он спрашивает, как я себя чувствую!» – поняла девушка и ответила:

– Хорошо.

– Какоти е името? Името е? Можете да кажете, како сте поминале низ портите? – застыли в его глазах вопросы, но Соня ответить на них не могла. Она знала эти слова, каждое по отдельности. Но целые фразы звучали непонятным набором, абракадаброй. Девушка схватилась за голову:

– Не понимаю! Я не понимаю, что вы хотите! – у нее началась истерика.

– Тивко, тивко. Смири се. Се е добро, – мужчина произвел какие-то манипуляции в ее изголовье, и Соня почувствовала, как веки смежаются, а в теле появляется легкость. Последней мыслью было слово «добро». Всё будет добро, то есть хорошо! Так он сказал.

– Значит, люди изменили язык? – круглой, богато обставленной комнате беседуют двое мужчин. Эта комната распо-

лагается в одной из башен древней Обители. Сами же люди, обитавшие в ней, еще древнее.

Когда-то, со стен замка открывались величественные виды способные заморозить взгляды самих богов. Сейчас – только бесконечные воды мелкого Океана ласкали взор. Океана планеты с потухающей звездой, на самом краю Галактики.

– Придется использовать мыслетранслятор, другого выхода в этой ситуации я не вижу, – говорит один из мужчин, тот, чьи волосы цвета меди. – Нам нужно торопиться. Чувствую, Триа что-то задумала. Ты же знаешь, Дио, она всегда сначала делает, а потом все разгребают последствия её экспериментов.

Черновоолосый богатырь, к которому обращены эти слова, поднялся из кресла и подошел к широкому окну. Немного помолчав, он ответил:

– Как удивителен Океан в это время суток. Не правда ли?

– Ты уходишь от вопроса дружище, – рыжеволосый Дэк хмурится.

– А разве ты задал вопрос? По-моему, ты утверждал.

– Да, это так, но...

– Делай, что нужно брат, – Дио скрестил на груди руки. – Мы все должны знать правду. А на счет Трии не беспокойся. Я разрешил ей взять образцы крови этой девочки. На какое-то время она будет занята.

Соня открыла глаза. Во всём теле ощущалась поразительная гармония и легкость. Она выпалась на сто лет вперёд. Оглядевшись, девушка сделала три открытия. Первое. Пока она спала, её переместили! Второе. Она одета. И третье. Она голодна, как львиный прайд!

Новая комната разительно отличалась от той, первой. Назвать её шикарнейшей – не сказать ничего! Королевская кровать, на которой свободно бы разместилось пять человек. Круглый, шерстяной ковёр с вычурным рисунком на полу. Позолоченные светильники в виде обнаженных дев и невиданных животных. Зеркала в резных рамах. Мебель красного дерева с инкрустацией. Всё здесь, каждая мельчайшая деталь, «вопила» о роскоши.

В дверях зашуршало и в комнату, чинно, вкатился металлический сервировочный столик.

– Ваш завтрак, – сообщил мелодичный голос.

Любопытство и голод взяли своё. На завтрак ей было предложено: великолепный кофе, сдобные булочки и стакан сладковато – кислого сока, вкус которого достаточно сложно было понять. Стол укатился, оставив девушку одну. Она решила немного исследовать комнату и обнаружила ещё одну дверь, не замеченную ранее.

«Однако, какая разительная перемена в интерьере», – удивилась она, толкнув дверь.

Стены купальни сверкали розовым перламутром. В центре находился небольшой круглый бассейн, в нем легко бур-

лила вода. Она манила и приглашала расслабиться.

Девушка вернулась в первую комнату, и там её уже ждали. Она узнала ту женщину. Только сейчас, перед нею стояла не рыжеволосая красавица, теперь волосы прекрасной дивы были окрашены в голубой цвет. Глаза тоже изменились, они сияли бирюзой, отчего взгляд казался пронзительным. Фигуру облегало великолепное, тончайшее платье в пол, гармонирующее по цвету с глазами. Коса оплетала прелестную головку, где сверкала сапфировая диадема. Женщина мило улыбнулась и произнесла на чистейшем русском:

– Меня зовут Эния и я вижу, дорогая, ты уже в хорошей форме.

– Вы говорите по-русски? – удивилась Соня.

– Ах, да, ты же не знаешь! Видишь ли. Ты присядь, – она сделала приглашающий жест и сама, элегантно, села на краешек кровати. – Пока ты находилась без сознания, мой брат Дэк, ты помнишь его? Отлично! Так вот, он применил одну... один, как это сказать? – она задумалась, подбирая слова. – В общем, специальное устройство. Оно помогает снять матрицу сознания. И...

– Где-то я уже это слышала, – пробормотала девушка.

– Да? Где? – Эния не скрывала любопытства.

– Не важно, – Соне нужны были ответы. – Это потом, что дальше?

– А дальше всё пошло немного не так, – продолжила свой рассказ женщина. – Машина считала только твой язык, на

котором ты говоришь. Русский. Так? – она произнесла слово «русский» протяжно, как будто смакуя его. – Русский, – снова повторила она. – Русс. Русы. Ты из этого племени? Русачка? Что-то слишком худощава ты для них и кожей темна.

– После трехсот лет татар монгольского ига и не таких русских увидишь. В наше время и негры русские встречаются, – улыбнулась Соня.

– Негры? Кто это?

– Люди с черной кожей. У вас таких нет?

Эния странно посмотрела на девушку:

– Мы много пропустили, – медленно произнесла она.

– Вы бывали на Земле?

– Земле..., – бирюзовый взгляд чуть затуманился. – Я родилась там. Но мы зовем её Гея.

– Это на греческом, – «блеснула» знанием Соня.

– Как? Греческий? Не знаю, – Эния нахмурила брови.

– Когда-то их называли элинами.

– Да! – женщина возбужденно воскликнула. – Эллины!

Одни из любимых наших созданий!

– Что значит ваших созданий? – слова женщины казались странными.

– Это потом. Ты всё узнаешь! Сейчас – дальше, – заторопилась прекрасная дива. – Машина считала только твой язык и обрывки ещё одного. Но русский, был самым полным. Для общения с тобой я выучила этот язык.

– И сколько же я была без сознания? – задала Соня логич-

ный вопрос.

– Один оборот планеты.

– Сутки?

– Сутки.

– И за сутки ты выучила мой язык, – от волнения девушка перешла на «ты».

– Зачем учить. Дэк просто перелил мне информацию, – ответ прозвучал довольно буднично.

– Понятно. Перелил, значит... – Соне почему-то показалось глупым продолжать эту тему, и она спросила:

– А что за женщина в меня стреляла?

Эния неожиданно замялась. Было видно, что ей не приятен этот вопрос.

– Это Триа, супруга Дио, – после недолгой паузы назвала она имя стрелявшей. – Она не хотела причинять тебе вред. Просто наши обстоятельства очень... сложные. Лучше скажи, а как ты прошла сквозь Врата?

– Портал? – уточнила девушка.

– Да, портал.

– Меня пропустила Система. Я имею допуск и ключ.

– Ключ? Какой ключ? – Эния не понимала о чем идет речь, а Соня запоздало добавила:

– И ещё генетический маркер.

Женщина задумалась. Глаза её цвета бирюзы застыли. Она, как будто, отрешилась от этого мира. Но необычное ее состояние длилось мгновение. Взгляд снова стал осмыслен-

ным. Она заговорила:

– Видишь ли, дорогая...

– София. Меня зовут София. Можно – Соня.

– Да, София, – согласно кивнула Эния. – Ты совершенно не чувствительна к телепатическим контактам.

– А должна? – удивилась девушка.

– Да. Мы и не думали иначе. Но ошибались. Не помог даже усилитель-мыслетранслятор. Кристалл матрицы твоего сознания практически пуст, а машина, снимавшая матрицу, уничтожена вирусом. И этот вирус был у тебя здесь, – женщина дотронулась до виска. – Кто-то очень постарался защитить твое сознание и подсознание.

– У меня нет ответа на этот вопрос. Мне жаль вашу машину. Но и копаться в моих мозгах, моей памяти, я бы не позволила! – возмутилась Соня.

– Конечно, ты не виновата! – заторопилась успокоить ее Эния. – Нет, нет, никто тебя не винит. Просто, всё очень странно. Очень странно..., – тут она неожиданно встрепенулась:

– София, меня зовут. Я оставлю тебя. Но, скоро, снова приду. Я покажу тебе нашу Обитель. Тебе понравится, – и прекрасная дива ушла, оставив после себя в комнате терпкий и чуть горьковатый запах хризантем.

Вечный Закат и Вечная Осень царствовали на этой планете.

Глава 4

Когда-то, многие сотни лет назад, в этой вместительной аудитории бывало шумно. И сотни же лет, предшествующих сегодняшнему событию, здесь царила полная тишина. Роботам-уборщикам пришлось изрядно потрудиться, выгребая вековую пыль, осевшую на эти древние кафедры.

– Тихо, тихо, – металлический молоточек застучал по билу. Его звук разнесся, заставив присутствующих притихнуть. Председатель поднял руку в умиротворяющем жесте и проговорил:

– Итак, выяснить удалось не много, – эхо его голоса отражалось от каменных стен, не слышавших за последнее тысячелетие и писка мыши. – Первое. Врата действуют. И они недоступны лишь нам. Второе. Для активации требуется Ключ. Кто создал Ключ, и почему у нас его нет, думаю, объяснять не надо, – мужчина многозначительно оглядел присутствующих и продолжил:

– Как Ключ оказался у этой девочки – пока остаётся загадкой. Передаю слово моей супруге Трии. Она исследовала образцы её крови.

К трибуне прошествовала златокудрая красавица.

– Да, я исследовала её кровь, – начала она и все взоры устремились в сторону говорившей. – Сказать, что я удивлена, не сказать ничего. В ней есть наша Сила! Девчонка, по-

томок тех, кого мы создали. И у нее есть то, что отняли у нас!

Зал взорвался криками. Эта новость потрясла всех. Даже Председатель, считавшийся самым уравновешенным человеком в Обители, сидел с потрясенным лицом. Златокудрая Триа, тем временем, продолжала:

– Её естество наполнено величайшим сокровищем – Силой демиургов. Той Силой, что когда-то бурлила в наших жилах, и крохи которой, мы тратим на выживание здесь. Но..., есть одно – «но». Ее сила спит. Девчонка не может использовать свои бесконечные возможности!

Зал ахнул. По нему прокатился ропот. Все переваривали удивительные новости и делились друг с другом предположениями. Очень, очень давно они не собирались все вместе. Некоторые из них, в ссорах и обидах, не видели друг друга десятки лет. Сейчас же, их объединило событие, которое может многое изменить.

Из первого ряда поднялся чернокожий мужчина. Обтянутый белоснежной тогой, он резко выделялся среди присутствующих не только цветом кожи, блестящей, как эбонитовое стекло, но и внушительным ростом, достигавшим, по всей видимости, более двух метров.

– Что ты предлагаешь нам Триа, – требовательно произнес он. – Я знаю тебя слишком хорошо и слишком давно. Твои идеи?

– Да, ты прав Экси, – после незначительной паузы ответила женщина. – У меня есть идея. Но я боюсь, что некоторым

присутствующим, она может не понравиться.

– Триа, говори. Говори же, – загомонили все разом.

– Кала, демос, – она подняла ладонь. – Хорошо, я скажу.

И не говорите, что вы не слышали. Если мне позволят, я введу этому человеческому экземпляру, Каплю Серумвит, что спрятана за каменными дверьми в подземельях замка. И о которой, некоторые здесь присутствующие, до сих пор умалчивают!

– Это исключено! Дьяфоно! Я возражаю! – с места подскочил Председатель. Лицо его выражало крайнюю степень негодования. – Я знаю, кто-то может обвинить меня в сокрытии этой тайны, – гневно выкрикнул он. – Но я вынужден был скрывать, что храню малейшую частичку Серумвит. Её мне дал Отец! И я тысячу раз мог воспользоваться ею. Но не сделал этого! Это сокровище на тот день, когда наше угасающее светило, перестанет давать достаточно тепла. Эта Сила – возможность продлить жизнь звезде Глэз!

– А ты не думала Триа, что бедное дитя может погибнуть!?! – из кресла поднялся еще один мужчина, высокий, стройный, с волосами цвета меди.

– Ты удивил меня Дэк. Когда это люди вообще интересовали тебя, – огрызнулась на его реплику златокудрая.

– Мы не позволим Трии производить такой рискованный эксперимент. Это может плачевно закончиться, – сказала миловидная девушка с черной косой опускавшейся до самого пола. Обернувшись к присутствующим, и оглядев всех

взглядом прекрасных, карих глаз, она продолжила тихим, но сильным контральто:

– Триа, в своей идее покинуть эту планету, нашу темницу, в которую мы все попали за собственные проступки, готова бросить на алтарь победы любую жертву. Но она не желает понять, что жертвами можем оказаться мы сами.

– Не позволяйте!?! Не позволяйте, даже если это касается нашего будущего!?! – взвизгнула Триа. – Если появится возможность убежать отсюда, покинуть это проклятое, надоевшее место! – в глазах женщины сверкнул огонь безумия. Казалось, что она вот-вот бросится на несогласных, и будет рвать их голыми руками.

Присутствующие опять зашумели. Мнения их разделились. Постучав молотком по столу и уgomонив собрание, слово взял Председатель:

– Серумвит я не дам, – он многозначительно осмотрел собрание. – Даже, если... Я подчеркиваю! Если, это будет касаться жизни и смерти кого-то из нас!

Зал молчал. Председатель оглашал свое решение дальше:

– Эта девочка может погибнуть. А на нашей совести достаточно жертв. Когда-то мы поплатились за свои амбиции и высокомерие. Мы возомнили себя богами и были наказаны за это. Трудом и терпением мы должны заслужить вновь доверие демиургов. И ещё одно, – он поднял ладонь. – Я поговорил с нею о Гее – Земле, как они её называют сейчас. И в отличие от тебя, – мужчина гневно указал на свою супругу. –

От тебя, встретившую бедную девочку не словом, а оружием, узнал. Нас давно забыли. Люди живут своей жизнью и управляют ею сами. Они летают в космос. Техника их скоро не будет уступать нашей. Мы им не нужны. Наше место давно занято.

– Оно занято не по праву. Этот мир изначально принадлежал нам. Но, даже, если людям мы не нужны, открыв Врата, мы найдем другие, ещё более прекрасные миры. Мы будем свободны! – закричала в последней попытке доказать свою правоту златокудрая дева.

– Твои слова бесполезны Триа. Что было, того не вернёшь. Мы все должны смириться с нашей участью, принять её достойно. И.... Когда-нибудь, нас, возможно, простят, – Дио поставил окончательную точку, стукнув молотком, звон которого огласил конец агоры.

Крохотный источник давал минимум света. Но тому, в чьей руке он горел, этого было достаточно. Трудно поверить, но в темноте, эти глаза могли видеть ничуть не хуже, чем днем. Достаточно было лишь одной искорки. Слабое отражение света от стен скакало. Тени, то растягивались, сливаясь с тьмой, то, будто в страхе, сжимались в карликов. Легкий шорох шагов по ступеням вскоре замолк.

Огромная каменная дверь преграждала дальнейший путь. На ее створках, справа и слева, очень искусно, были вырезаны уродливые человеческие лица, искаженные гневом. В

открытых ртах, удерживаемые каменными клыками, были вставлены широкие кольца. Двое, в ужасе, застыли перед масками гнева и уродства. Неожиданно, их чуткие уши уловили звук, более похожий на стон. Веки каменных лиц, стали медленно открываться. В них пылал огонь.

– Быстрее, Триа – зашептал голос, – мы не успеем!

– Эхагора! – как только женский голос выкрикнул слово, веки чудищ остановились. Огонь в каменных глазах стал стихать. В дверях защелкало. Преступники почувствовали лёгкий толчок воздуха.

– Открывай, – женщина показала спутнику на дверь, – мы сами возьмем то, что нам нужно!

Соня познакомилась с несколькими обитателями Замка. Интересная беседа состоялась с черноволосым богатырем Дио:

– Мы ли построили Врата?

Ответ: Нет. Это дар Отца.

– Кто мать?

Ответ: Мать Гея.

– Почему не возвращаемся на Землю?

Ответ: Запрет.

– Кем дан запрет?

Ответ: Отцом Создателем. Демиургом.

– Почему запретил?

Без ответа.

– Эллины, одни из любимых наших созданий?

Ответ: Конечно, ты все не так поняла!

– Сломалась машина? Вирус?

Ответ: Это к Дэку, он разберётся.

– Почему Триа выстрелила?

Ответ: Не бери в голову. Расскажи лучше, как там на Земле.

Кареглазая Эна, сестра Дио, показала дворец – Обитель. Бесчисленные анфилады залов, украшенных искусной мозаикой, подпирали резные колонны. Множество зеркал отражало лучи красно-желтой звезды, заливая неземным, таинственным светом убранство комнат. Широкие террасы, выходящие под небо, открывали великолепные виды на Океан и далекие скалистые берега. Здесь всё дышало древностью и загадочностью, заставляя учащённо биться неискушенное сердце. Осторожно шагая по мраморным плитам Обители, Соня, по-девичьи, представляла себя принцессой, примеряя эту роль на себя так же, как сегодняшним утром примеряла великолепное, цвета слоновой кости платье.

Но особенно, ее поразили библиотека и зимний сад. Библиотека содержала настолько древние и массивные фолианты, что они казались ненастоящими. Свитки разных форм и размеров, карты с незнакомыми очертаниями материков и даже глиняные, деревянные и металлические дощечки, испещренные знаками. Заполненные стеллажи уходили ввысь,

достигая потолка. Были здесь и полки, содержащие, сверкающие алмазными гранями, кристаллы.

– Что это? – Соня подошла к стеллажу, в изумлении и восторге глядя на это великолепие.

– Кристаллы памяти. Они хранят записанную на них информацию.

– И мой где-то здесь? Я могу взглянуть? – разглядывая все это великолепие, спросила она.

– Я сомневаюсь, что твой кристалл сейчас здесь, – поспешно ответила Эна. – Нужно спросить у Дэка.

«Опять спросить у Дэка, – подумала Соня. – Похоже, здесь все знает один только Дэк»

– А хочешь посмотреть, как они работают? – неожиданно предложила ей женщина.

– Спрашиваешь. Конечно, хочу!

Соня с нескрываемым любопытством наблюдала, как Эна взяла один из кристаллов и положила его в небольшое углубление в центре довольно сложного по форме устройства, стоящего прямо здесь, на полке. Кристалл засветился. С его граней вверх поплыли радужные искорки. Они сформировались в туманный шар. Он завращался и сквозь дымку стали проступать знакомые очертания планеты.

– Земля!

– Да, это она, – с грустной улыбкой ответила Эна. – Наша Гея.

Сад удивил Соню обилием невиданных цветов и деревьев.

– Это гибриды из других миров. Когда-то мы занимались селекцией и биоинженерией. Это наши шедевры! – объясняла ей Эна.

Потом, они еще долго гуляли по саду, и восхищению Сони не было предела.

«Мне кажется я во сне. Это всё происходит не со мной», – думала она, возвращаясь в свою комнату. Открывая дверь, она неожиданно почувствовала странный, чуть сладковатый запах, ударивший в ноздри. Голова закружилась. Тело обмякло, и его подхватили сильные руки.

Глава 5

Она – кровавая рана. Боль. Боль. Страшная, всепоглощающая боль, разрывающая на части. Кипяток, бегущий по сосудам, жжёт каждую клеточку. Пусть придет смерть! Она избавит от этой БОЛИ.

Тело горит, полыхает в обжигающем пламени. И нет конца невыносимому, нечеловеческому страданию. И вдруг... всё кончилось. Боль исчезла, а сознание скользнуло в пропасть спасительного небытия.

Свинцово – тяжелые веки, тысячетонным грузом, навалились на глаза, не давая им открыться. В горле саднило. Рот пересох.

– Пить, – прошептали непослушные губы. Рука попыталась подняться, но бессильно упала на белоснежную простынь. Кто-то приблизился. Размытое лицо, с черными провалами глаз, наклонилось. Откуда-то издалека, трубно донеслось:

– Кажется, она приходит в себя.

Потом, уже другой голос вторит ему:

– Та прагмата панэ кала!

«Странно, – подумала Соня, – он сказал «прогноз хороший», что это значит?».

Но думать над этим вопросом не было, ни сил, ни жела-

ния. Сознание вновь ускользнуло в бездну.

В одной из комнат, более напоминавшей стерильный больничный бокс, над микроскопом склонилась женщина. Эта была Триа. Она заметно нервничала, кусая губы, но вдруг, резко отстранилась от прибора. Выражение лица её изменилось, стало радостно-возбуждённым.

Златокудрая вскочила, заметалась по комнате, натываясь на столы и массивные приборы. Потом, вновь прильнула к окуляру прибора и долго смотрела в него. Наконец, откинулась на спинку стула и протерла уставшие от бессонной ночи глаза.

Все, что она делала, оказалось не напрасным! – взволнованно думала женщина. – Великий эксперимент удался! Капля Серумвит разбудила дремавшую, досель, в *medulla spinalis* девчонки, колонию микроскопических протоплазмидов, первых коллективных разумных существ во вселенной. Процессы их жизнедеятельности, в виде атомарных частичек энергии, обнаружилились в первых образцах крови землянки. Сейчас же, проснувшись, они должны занять свое законное место в центре каждой клетки организма. По-видимому, колония была крохотная, так как протоплазмиды почковались, причем с невероятной быстротой. Когда завершится процесс слияния, не останется ни одной не оплодотворенной клетки! Опьяненная этим открытием, Триа бросилась прочь из комнаты.

Соне снился чудесный сон. Она летела над землей. Далеко внизу, медленно, проплывали поля и луга, леса и рощи, озера и реки. Душу её переполнял восторг полета, упоения свободой. Она кричала в экстазе о своем новом умении. Кричала громко и звучно, ничуть не удивляясь этой своей способности. Обуреваемая диким восторгом, она летела, раскинув руки, ощущая собственную всемогущность и всесильность. Она владычица над этим Миром! Она Богиня!

– Очнись София! – позвал тихий далекий голос. Он становился всё настойчивее и требовательнее, заставил выскользнуть из спасительного Ничего в Реальность и увидеть широко распахнутые, с тревогой смотрящие, бирюзовые глаза.

– Эния! Прости, я, кажется, всё на свете проспала, – девушка резко поднялась с кровати. Голова закружилась, всё поплыло перед глазами. От падения ее удержали заботливые руки.

– Тебе нельзя так резко двигаться, дорогая! Ты ещё очень слаба.

– Что со мной? Я плохо помню, – София упала на подушки. Голова нестерпимо заболела. – Сон. Боль!

– Фтохо пайди...

– Почему?

– Что почему, дорогая.

– Почему я «бедное дитя»?

– Ты... поняла меня? – Эния удивилась.

– Да, ты сказала «бедное дитя».

Прекрасное лицо вытянулось в недоумении. Огромные глаза – распахнулись. Но вопрос в них быстро сменился пониманием происходящего.

– Ты сильно болела София, – она ласково погладила молодую женщину по волосам. – Не пугайся, когда посмотришь на себя в зеркало.

– Что со мной?

– Ничего страшного! Успокойся. Просто немного похудела. А волосы – отрастут. Возможно, ты теперь и не это сможешь.

– Ты опять говоришь загадками, – проворчала София, ощупывая свою голову. От густой гривы волос остались жалкие остатки.

– Не переживай София, ты всё равно очень хорошенькая.

– Эфхаристо, Эния. Спасибо!

– Паракало, агапо, София.

В круглой башне дворца находились двое. Мужчина и женщина. Муж и жена. Ещё никогда Триа не видела своего супруга в таком подавленном состоянии. Она же, напротив, надела на свое прекрасное лицо маску удивительного спокойствия. Но это была лишь маска. В душе женщины бушевало пламя. Это было пламя надежды. Радость обуревала её естество. Оставалось лишь убедить мужа в своей правоте, в том, что проступок её был во благо. На это она возлагала

большие надежды. Ведь у неё есть козырь. Очень большой козырь в рукаве.

– Что ты наделала Триа, – мужчина тяжело, с усилием поднял голову. Он встал, упираясь руками о поверхность массивного письменного стола, и подошел к широкому проёму в стене, выходящему на террасу. Взгляд его глаз, казалось, потонул в Океане.

– Не надо драматизировать Дио. Девчонка жива и... почти уже здорова. Она удивительно быстро восстанавливается. Капля Серумвит подействовала даже лучше, чем все мои ожидания. Её Сила просыпается. Ты понимаешь, что это значит Дио?

– Это значит, что скоро у нас появится новый архонт, причем настолько сильный, что мы все перед ним будем, как младенцы. Архонт, имеющий Ключ от Врат. Что изменилось теперь в нашей жизни Триа? Ты лишила нас последней надежды.

– Послушай Дио, – женщина подошла к мужу и робко дотронулась до его плеча. Голос её принял ласковые, лстивые нотки. – Я верю, что её силу можно использовать нам во благо. Зачем она ей. Это как дать ребёнку оружие. Её Сила должна стать твоей и только твоей! Ты самый могучий, самый мудрый из архонтов Геи. Получив Силу и Ключ, ты освободишь всех нас из этой тюрьмы.

– Оставь меня женщина, если я послушаю тебя, мы вновь совершим ошибку, и она приведет к катастрофе! – он сбро-

сил ее руку с плеча.

– О, свет, что я вижу!?! Страх? – златокудрая захохотала. – Ты боишься Дио? Где же тот всемогущий и отважный муж, которого я когда-то полюбила. Неужели, этот трус и есть могучий – Первый человек? – во взгляде женщины просквозило презрение. – Демиурги давно забыли о нас. Мы, букашки для них, грязь! Ведь они зажигают звезды! И кроме звезд, их ничего более не интересует.

– Неправда! – в глазах мужчины запылал огонь гнева. – Я знаю, Отец беспокоен за нас. Иначе он никогда не дал бы мне Каплю Серумвит. Эту драгоценность Вселенной. Он рискнул своим существом ради нас, в надежде, что мы доживем до его возвращения. А ты потратила её на земное дитя, непонятно каким образом оказавшееся здесь, на Глэз.

– Нет Дио, – Триа покачала головой. – Со временем ты поймешь, что я права и примешь тот Дар, что я тебе дам. Ты ещё будешь говорить мне спасибо, Дио. И еще, – она вдруг резко сменила тему их разговора. – Немедленно освободи нашего сына, он помогал мне из сыновнего долга.

– Ну, уж нет, – мужчина не собирался сдаваться. – Пусть пока посидит в темнице. Подумает, как идти против отца, даже ублажая прихоти и амбиции собственной матери.

Смутно вспоминая хитроумные переплетения коридоров Обитатели, Соня обнаружила знакомую дверь в зимний сад. Толкнув её, замерев, остановилась на пороге, в изумлении

глядя на когда-то благоуханно цветущие растения, сейчас покрытые, янтарно-золотым, в свете сияния местной звезды, снегом. Крупные хлопья падали, ложась на кусты, цветы и деревья, придавая им причудливые формы.

– Сегодня у меня минорное настроение, – услышала она чей-то голос.

Соня вздрогнула от неожиданности и обернулась. К ней приближался мужчина, одетый в плащ, подбитый белым мехом. Непокрытая шевелюра слегка припорошена снегом. В руках мужчина что-то держал. Это оказалась меховое манто, густого рыжего, как его волосы, цвета.

– Надень. Здесь довольно прохладно, – протянул он Соне наряд. – Удивлена?

– Не то слово, – девушка с удовольствием завернулась в теплый мех. – Когда Эна приводила меня сюда, здесь было тепло и очень красиво.

– Но разве сейчас здесь не красиво? – совершенно искренне удивился он.

– Очень! – Соня огляделась. – Но как? Откуда взялась зима?

– О, это просто объяснить, – Дэк улыбнулся. – Погодой управляет машина. Позволь? – он аккуратно взял молодую женщину под локоть. – Прогулка на свежем отдыхе еще никому не вредила. Говорю тебе, как знаток человеческого организма.

– Ты анатом?

– Нет, – его губы вновь тронула загадочная улыбка.

– Значит, доктор? – попыталась угадать девушка.

– Милая София, кем я только не был в этой жизни, – засмеялся Дэк. – Врачом и воином, политиком и художником, архитектором и каменщиком, землепашцем и горшечником, принцем и нищим, великим и ... никем.

– Неужели, лепил горшки?

– Еще какие!

– Так не бывает, – Соня не верила.

Он долго и пронзительно посмотрел, отчего ее сердце сладко зануло.

– Давай присядем, – рука в перчатке указала в сторону мраморной беседки располагавшейся на берегу небольшого пруда.

В некотором молчании они смотрели на неподвижную водную гладь, покрытую тончайшим, прозрачным, словно горный хрусталь льдом. Из глубины озера, к поверхности, поднимались рыбки. Они «целовали» крупными ртами лёд, снова и снова пытались прорвать тонкую, но прочную для них преграду.

– А, долго ли будет длиться твоё грустное настроение? – осмелилась спросить девушка.

– Признайся, тебе стало жаль этих несчастных созданий в пруду? – его слова, бросили Соню в краску. Конечно же, причиной был не этот вопрос-утверждение, кстати, совершенно недалекий от истины, а тот факт, что Дэк тайком наблюдал

за ней.

Он понял ее смущение.

– Хочешь, я покажу тебе рождение весны? – мужчина прервал затянувшееся молчание. Не дожидаясь ответа, он достал из складок плаща небольшой плоский предмет и положил его на каменный столик. Над поверхностью стола, тот час развернулся голографический экран усыпанный неизвестными символами. Дэк уверенно пробежался по виртуальным клавишам. Экран погас.

Долго ждать перемен не пришлось. Температура воздуха заметно повысилась. Снег перестал падать. С крыши беседки весело запела капель. Подул теплый ветерок, напоённый влагой и запахом тающего снега. Всё преобразилось. Прилетели и запорхали, вокруг распустившихся цветов, крупные, пёстрые бабочки, весело защебетали невидимые в густой листве птицы. Лёд на пруду растаял. Его обитатели, цветные, причудливые рыбы, показывали свои искрящиеся самоцветами спинки, поднимали плавники, шлепали по воде широкими хвостами и уплывали вновь в своё подводное царство.

– Как же чудесно, – Соня, закрыла глаза и вдохнула полной грудью упоительный запах весны.

Дэк улыбался. Но вдруг лицо его изменилось, стало отрешенным. Он словно ушел в себя.

– Что с тобой!?! – испугалась девушка.

Мужчина очнулся. В глазах появилась осмысленность.

– София, скажи, ты не чувствуешь никаких перемен в себе

после болезни? – задал он странный вопрос.

– Перемен..., – она задумалась, прислушалась к себе, напряглась, перебирая в памяти воспоминания последних дней. Из глубин всплывали какие-то образы. Они складывались в размытые картины, но сейчас же рассыпались, словно карточный домик от неловкого прикосновения. В висках заломило, к горлу подступила тошнота.

– Ты вся дрожишь! – и он подхватил ее на руки, уже почти теряющую сознание.

С самой высокой точки дворца – круглой, узорчатой башни, открывался великолепный вид на бескрайний океан. Куда бы ни устремлялся взор, он упирался в золотисто-янтарный горизонт, сливавшийся с бескрайними, цвета расплавленного красного золота водами.

Тёплый, насыщенный влагой ветер трепал короткие, чуть отросшие после болезни, волосы молодой женщины. Она с наслаждением подставляла ветру лицо, вздыхая полной грудью морской воздух и закрыв глаза, в полной мере отдалась ощущению свободы.

Ветер обвивал её тело, пытался оторвать от поверхности. Она вдруг представила, что он в её власти. Тёплые струи свитые в энергетические жгуты повинуются её слову, её жесту, её мысли. Мгновение ей казалось, что тело утратило вес, а ноги потеряли опору. Восхитительные секунды невесомости сменились страхом. Сердце бешено забилося в груди, голова

закружилась. Она распахнула глаза, но, не сумев справиться с ориентацией, упала на каменные плиты.

С другого края площадки к ней бросился мужчина. В это время он занимался крупным крылатым существом. Тщательно затягивая подпруги, держащие вместительное седло на чёрно-угольной спине животного, более похожего на льва с головой орла, мужчина наблюдал за молодой женщиной, и от него не ускользнул момент, когда Соня, разведя руки в стороны, чуть приподнялась над плитами пола. Зависнув на несколько мгновений в воздухе, она вдруг забилась, как подстреленная птица и рухнула на камни. Бросив животное, Дэк подбежал к ней, но она уже поднялась сама.

Глядя в его испуганные глаза и потирая ушибленный локоть, она неожиданно рассмеялась.

– Почему ты смеёшься, разве тебе не больно? – удивился Дэк. – Посмотри, у тебя ссадина!

– Я смеюсь над собой, – призналась Соня. – Ты наверно считаешь меня неуклюжей. Ведь я умудрилась упасть на ровном месте, да еще и напугала тебя!

– Да, признаться, ты меня напугала, – он внимательно посмотрел на неё.

– Ты считаешь меня глупой дурочкой, которая все время падает, то в обморок, то... на ровном месте, – девушка не скрывала досады.

– Нет-нет, не придумывай, – поторопился он ее успокоить. – Но прогулку на грифоне придется отложить.

– Ни за что! – воскликнула Соня, ведь она так мечтала об этом полете. – Я в полном порядке.

– Ну, раз так, – Дэк восхитился ее мужественности. – Мы можем отправляться.

Полет на грифоне вызвал массу эмоций. Соня увидела остров и Обитель с высоты птичьего полета.

Дворец оказался настоящим произведением искусства. Это было причудливое, но очень гармоничное смешение разных архитектурных стилей, какие Соня могла видеть на Земле. Элементы древнегреческого, египетского, средневекового и даже... китайского, уживались рядом, составляя единое, нерушимое целое. Дворец стоял у подножия огромного вулкана, поросшего по склонам густой растительностью.

– Этот монстр еще дышит, – перекрикивая свистящий в ушах ветер, Дэк указал рукой на вулкан. – Мы пользуемся его энергией.

Из жерла вулкана поднималась конструкция похожая на барабан. Она медленно вращалась вокруг оси.

– А это энергостанция, – пояснил мужчина. – Помогает нам здесь выживать в довольно комфортных условиях.

Они приземлились на берегу океана, откуда не было видно Обитель. Место было великолепным. Оно пьянило своей первозданностью, ощущением единения с природой, вы-

зывая в душе непередаваемое чувство комфорта и счастья. Так бывает, когда вдруг вырываешься из шумного, суетного мегаполиса на лоно природы. Тогда всё кажется другим, более чётким, объёмным, волнительным. Каждый цветок и травинка, небо и облака, свитая в укромном месте, блестящая утренней росой паутина и маленький её хозяин – паучок, стрёкот невидимых кузнечиков и пение разноголосых птиц, мелодичное журчание ручья и плеск рыбы, утренняя заря, окрашивающая золотом горизонт и звёздное, ночное небо.

А еще так бывает, когда в душе рождается прекрасное чувство. И ты счастлив, просто потому, что с тобой рядом тот, кто вызывает этот трепет сердца.

Дэк и София сидели под кроной старого дерева, когда пронзительный сигнал прервал их идиллию. Он исходил от браслета на руке мужчины.

– Это Эния! Что-то срочное, – он дотронулся до синего камня, казавшегося на первый взгляд лишь украшением, и над его рукой развернулся небольшой, объёмный экран. Они увидели взволнованное лицо сестры Дэка.

– Послушай брат, – Эния обернулась, будто за ней кто-то гнался. – Триа всё же уговорила Дио на дальнейшие эксперименты! София станет Маткой, производящей протоплазмидов. Предупреждаю, они ищут её, – она опять затравленно посмотрела назад. – Больше не могу говорить. Для мысленной связи, ты слишком далеко, у меня не хватает энергии!

Экран погас.

– О чем она? Какие эксперименты? – Соня смотрела в лицо мужчины, пытаясь поймать его взгляд. Но он почему-то отводил его, а потом вдруг резко поднялся и протянул девушке руку:

– Пойдем, нам надо спешить.

Скала, с удивительно гладкой, словно отшлифованной поверхностью стояла на своём прежнем месте и чёрный проём – портал, всё так же зиял космической пустотой.

– Послушай, София! Ты должна сейчас же вернуться на Гею, – мужчина возбужден и взволнован, голос его дрожит. – Торопись. Активируй Врата.

– Но как? – Соня не понимала, что случилось, лишь догадывалась, что ей угрожает какая-то опасность.

– Дотронься сознанием до Врат, – объяснил Дэк. – Представь, что ты в них стучишься.

Она, закрыла глаза и...

– Идентификация объекта, – голос системы портала прозвучал неожиданно резко. – Объект София назовите координаты точки выхода.

Соня затараторила:

– Точка выхода 1405. Рукав Ориона. Система – желтый карлик. Третья планета. Общепринятое название планета Гея.

– Достаточно информации. Активация портала, – и слов-

но алмазы в короне Галактики в чернильной тьме засверкали мириады звезд.

– Прощай, София!

– Прощай, Дэк!

Часть 2 Пробуждение титана

Глава 1

Во все зримые времена на Земле рождались люди с исключительными талантами. Многих из них мы помним и чтим до сего дня. Художники и скульпторы, писатели и поэты, певцы и композиторы, политики и полководцы, ученые и изобретатели, все они «помечены богом». Так откуда, скажите, одни могут говорить рифмой, а другие косноязычны, одни рожают прекраснейшую, волшебную музыку, а другие не могут даже напеть без фальши. Почему одним дано совершать открытия, их манит неизвестность, они пытаются разгадать все вселенские тайны, а другие не видят и не хотят видеть дальше собственного носа. Почему? Где ответ на этот вопрос? Ведь дело даже не в том, какой ты расы или национальности. Великий талант может открыться в любом из нас.

Соня сбежала с вечеринки по поводу дня рождения фирмы. На протяжении последних двух лет, что она работала в этой компании, подобные мероприятия разворачивались практически по одному сценарию. Сначала, скованный официозом офисный «планктон», соревнуясь в манерах, изображал из себя светское общество и интеллигенцию. После принятия пары стаканов горячительного «высшее общество»

потихоньку теряло свой лоск и блеск. И вот, уже, размазанная губная помада, ослабленные, болтающиеся как сосиски на шеях галстуки, потные руки, норовившие залезть под юбку, стриптиз на столе, совершенно не вязались с тем образованным обществом, что присутствовало здесь, какие-то два часа назад.

Всё это вызывало отвращение у молодой женщины. После подобных банкетов, она долго стояла под душем, смывая с себя похотливо-липкие прикосновения «сильной» и завистливо-злые взгляды «слабой» половины человечества. Сегодняшний поздний вечер был не исключением.

Сразу, после душа, завернувшись в махровый халатик и включив телевизор, она устало вытянулась на диванчике. С тех самых пор, как девушка побывала на Глэз, прошло два месяца. Сначала, её воспоминания были яркими. Хотелось поделиться с подругами и знакомыми тем, что с ней произошло, но Соня понимала, чем это может для нее закончиться: как минимум, встречей с психиатром.

Больше всего она тосковала по Дэку и даже призналась себе, что влюбилась в рыжеволосого, ведь каждый раз сердце ее замирало от воспоминаний о нем. Да и как можно было ей, неискушенной и молодой, не влюбится в такого красавца? Все остальные парни просто меркли на его фоне. Соня ни от кого не принимала ухаживаний.

Иногда она хотела все бросить: дом, работу, друзей и умчаться в Хитрую рощу, чтобы вновь прикоснуться к Вра-

там, вернуться на Глэз, к Дэку. Но каждый ее порыв быстро угасал, и кто-то невидимый, неосязаемый, Соня называла это своим подсознанием, останавливал эти внезапные порывы.

Она была благодарна Дэку, понимая, что он спас ее от какой-то страшной участи, но одновременно чувствовала себя несчастной, от невозможности быть с ним рядом.

На экране телевизора шла погоня со стрельбой: какой-то очередной боевик. Соня закрыла глаза. «Может быть, это был плод ее воображения, ее фантазия, ее сон?» – подумала девушка. Но лицо Дэка не исчезало перед ее внутренним взором. Она помнила все слишком четко, чтобы это оказалось неправдой.

Наконец усталость взяла свое. Звуки стрельбы и погони с экрана стали удаляться, затихать и она провалилась в глубокое сновидение.

На расстоянии миллионов парсеков от планеты Земля, среди космического вакуума висит зеркальная Сфера. Это тюрьма для одного единственного существа. Хотя, можно ли назвать существом того, кто не имеет материального, в нашем, человеческом понимании, тела.

Вот уже несколько тысячелетий, по земному летоисчислению, демиург Ур-ан не покидал свою темницу, проводя века в раздумьях над прошлыми делами и ошибками. Чистый и светлый его разум анализировал и просчитывал всё снова и

снова.

По сути, время для демиурга ничего не значило. Он и ему подобные могли наблюдать за рождением и смертью звезд, как мы наблюдаем за рождением нового дня. Но те, о ком его бессмертная душа страдала, его дорогие дети, были в беде. Всё это бесконечное время, он пытался отыскать их в безднах космического пространства, дотянуться до них своей мыслью, снова и снова звал их, а в ответ лишь слышал тишину бессердечного космоса. Но однажды, вспыхнул свет. Он знал – так рождается великий Архонт. Выброс ментальной энергии излучаемой новорожденным достиг Сферы, и Ур-ан направил свой взор на его поиск.

Сон был настолько реальным, что Соне стало не по себе. Она находилась внутри мерцающей сферы, стены которой казались прозрачными, и лишь яркие сполохи, пробегающие по ним, позволяли понять, что пространство ограничено.

Дотронувшись до их поверхности, она почувствовала мягкий, отталкивающий эффект. И чем сильнее был нажим, тем большим сопротивление.

Пришёл испуг. В панике девушка стала крутить головой, ища хоть что-то, за что мог зацепиться взгляд. У «потолка» обнаружилось «нечто», сгусток энергии, напоминавший шаровую молнию. Он беззвучно «шипел» рассыпая искры. Демиург волновался.

Шар, медленно, спустился на уровень глаз. Он уже перестал искриться и светился равномерным лунным светом. У молодой женщины возникло ощущение, что её изучают.

Неожиданно, форма шара стала меняться: сначала он вытянулся в эллипс, потом стал расти, видоизменяясь и приобретая знакомые человеческие черты.

– Дэк, это ты?

– Нет дитя, я не Дэк, – голос звучал в ее голове. – Это облик одного из моих сыновей. Думаю, так будет легче общаться. Я чувствую твою сильную симпатию к Дэку.

– Ты Демиург – отец? – догадалась она.

– Называй меня Ур-ан.

– Я сплю?

– Только тело, дитя. Твой разум сейчас здесь, рядом со мной, – прошелестел голос.

– Но, как такое возможно?

– Я призвал твой дух, мне это по силам. Постой, – фантом поднял руку. – Знаю, у тебя много вопросов. Присядь.

Кресла материализовались прямо из воздуха. Это были её собственные домашние кресла, купленные в прошлом году. Соня потрогала обивку:

– Как, настоящие! – восхитилась она.

– Они и есть настоящие. Садись, беседа наша будет долгой. Я расскажу тебе всё с самого начала и возможно ты поймёшь и поможешь. Не мне, нет! Я буду просить за своих детей. Знаю, – Соня услышала в голосе нотки грусти. – Они

хотели причинить тебе зло и вижу, что ты мало об этом знаешь. И мало понимаешь, что произошло. Не вини их! Во всем виноват лишь я. Это я вырастил их такими: жаждущими, ищущими. Они, сейчас, как и я в клетке – тюрьме. Но страдают более меня, потому, что они люди, – голос «улыбнулся». – Да-да, обычные люди, как и миллионы твоих соотечественников – землян. Люди, которые когда-то имели власть не только над своим телом, но и над силами природы. Этой властью их наградил я. Я же – отнял её у них. Лишить их силы повелевать стихиями – то же, что лишить человека рук и ног. Когда ты родился слепым, ты не знаешь света. Для тебя темнота – привычный мир. И другого нет. Но если ты родился зрячим, потеря зрения равносильна смерти! Так и они, мои дети, лишившись своего могущества, находятся в отчаянии. Возможно, поступки их, неблагоприятные, проистекают от этого отчаяния, – демиург замолчал.

– Но, почему ты лишил их этой Силы?

Он снова тяжело вздохнул, совсем по-земному, по-человечески.

– Слушай София, дитя моё. Слушай и запоминай о величайшем деянии демиургов. Величайшем, после сотворения этой Вселенной.

Рассказ Ур-ана был похож на невероятную сказку или миф, выдуманный людьми о сотворении Мира, но с замиранием она слушала это повествование, зная, что каждое слово есть истина, а в мыслях рождались картины былого Зем-

ли, того, о чем человечество могло лишь догадываться либо строить многочисленные гипотезы.

Когда Творец создал Вселенную, он оглядел своё творение, из Глаз Его брызнули Слезы Радости и Слезы Грусти. Эти Слезы рассеялись по Вселенной. Они – самая большая драгоценность в зримом и незримом мирах. Слезы Творца – есть часть Его. Эти слезы способны зажечь Звезду. Они побуждают к Жизни. Но они же могут и уничтожить, разрушить все Сущее, и развеять в пыль.

Мы, демиурги, ищем во Вселенной Слезы Творца. На поиски порою уходят сотни ваших земных лет. Далеко от Земли, в Созвездии Близнецов, вокруг голубой звезды вращается моя планета – прародина. В назначенный час, все демиурги возвращаются под свет голубых лучей, дабы не растерять за тысячелетия странствий родственных связей.

Все Слезы, найденные за это время, доставляются в наш Домен. Собираясь, мы решаем, как и когда использовать Драгоценность. Вопрос этот не простой и требует много времени на принятие самого верного и правильного решения. Это решение всегда коллективное и должно быть единогласным. Наша задача, поддерживать Жизнь во Вселенной, не дать ей исчезнуть. Ведь во всём живом, есть часть Духа и плоти Творца. Множество миров было засеяно нами. Множество всходов дали эти семена.

Но более всего, гордиться могли трое из нас. Демиург Ур-

ас, демиург Ур-ал и я – демиург Ур-ан. На трёх разных планетах мы посеяли жизнь, одну другой прекрасней:

На первой – разумных обитателей неба – астреев.

На второй – разумных обитателей моря – атлатов.

На третьей – разумных обитателей суши – архонтов.

Мне принято было заботиться об архонтах, от их колыбели, до полного взросления. Ах, каким же счастьем было мне смотреть, как они растут, учатся познавать мир! Первая любовь, ревность, дружба. Первые открытия. Всё это было, было... – демиург замолчал, погрузившись в воспоминания. – Они росли на удивление сообразительными, – наконец, продолжил он свой рассказ, – с неуёмной, бурной фантазией. Их было двенадцать – шесть мальчиков и шесть девочек.

Еще в детстве, архонты перекроили всю сушу Земли, не нарушив при этом природного баланса, а о растительном и животном мире совсем отдельный разговор. Каждый день, мне на оценку приносилось несколько новых видов. Порою это было, что-то из рук вон выходящее, – демиург заулыбался, такой знакомой белозубой улыбкой, что у Софии защемило в груди. – Конечно, возможности их были ограничены, ведь они были из крови и плоти – хрупки и беззащитны! И, даже мощь плазмоидов, позволявшая в этом симбиозе невероятную силу управления энергиями самой Земли, не давала возможности управлять энергиями открытого космоса, как дано нам, демиургам. Архонты оказались слишком «материальны» для этого. Путешествовать от планеты к планете они

могли, лишь, как и вы, в кораблях.

Я слышу в твоих мыслях вопрос. Вот, ответ на него. Плазмиды – первые живые одноклеточные существа во Вселенной, созданные самим Творцом. Их нельзя назвать разумными в том понимании, которое вы люди придаёте разуму вообще. Разум их коллективный и каждый из них, в отдельности, не является индивидуумом. Уникальность этих существ состоит в том, что в процессе жизнедеятельности, они вырабатывают первозданную энергию, ту, которой обладал сам их создатель. Но энергию эту никогда не используют. Они не создали цивилизации, как другие разумные во Вселенной. И само существование их остаётся для нас великой неразгаданной тайной Творца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.